

О. В. ГОРБАЧЕВА

МАТЕРИАЛЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ XIX в.

Признание антропологического подхода в конкретных исторических исследованиях позволяет подойти к рассмотрению целого ряда вопросов, которые в рамках макроистории воспринимаются как незначительные. А именно, из чего складывалась жизнь «простого» человека, в частности белорусской женщины в XIX в. Какие ценностные ориентиры определяют жизнь различных социальных групп.

164

Как общество относится к детям. Какие преступления доминируют в обществе. Каким наказаниям подвергаются преступники. Интерес представляет также отношение крестьян в XIX в. к вопросам веры и святости, отношение в обществе к знахарству, определяемому в белорусской традиции зачастую как колдовство.

Переход от глобальной истории к повседневной, от истории великих личностей к рядовым участникам исторического процесса, требует расширение круга источников. Представители социальных низов практически не оставили после себя документов. Источники, широко используемые традиционными историками – это материалы о «маленьких людях», им самим не принадлежащие. Данное обстоятельство требует привлечения элементов материальной культуры, визуальных источников. А в большей степени, как утверждает исследователями повседневности, устных свидетельств самих участников событий.

Высокой степенью информативности в данном случае обладают материалы судопроизводства, содержащие свидетельства как о простых участниках событий, а одновременно с этим и свидетельства их самих. На протяжении XIX в. в Беларуси в данной сфере происходили неоднократные реформы, что приводит к необходимости привлечения материалов различных судебных органов, специализировавшихся на рассмотрении уголовных дел. С конца XVIII в. до 1831 г. рассмотрение уголовных дел находилось в компетенции Главных судов I департамента [3], в период 1831–1867 гг. эти вопросы проходили через уголовные палаты¹, которые в результате проведенной в 1867 г. реформы объединяются в соединенные палаты уголовного и гражданского суда². В конце 1883 г. вместо соединенных палат вводится новая структура – Окружные суды, просуществовавшие до 1918 г.³

Деятельность судов выходит далеко за рамки только юридического предназначения. Судебные дела позволяют представить картину не только уровня правового сознания населения, благосостояния, но также дают представление о справедливости и морали, невинности, отношении к незаконнорожденным детям и внебрачному сожителю, к веротерпимости и религиозной обрядности, дают представление о соотношении христианских и языческих традиций.

В процессе рассмотрения повседневности возможно выделить несколько основных сфер. Первая из них связана с антропологическими факторами, относящимися к человеку в силу того, что он является человеком. Сюда включаются процессы рождения, сексуальности, болезни, смерти, детства, старости. Ко второй сфере относятся явления, необходимые для жизнедеятельности человека. Это питание, одежда, жилье, работа, досуг. Третья сфера включает в себя способы выживания в экстремальных ситуациях – войнах, преследованиях, природных катастрофах.

¹ Судопроизводственные дела находятся во второй описи фонда 145 и включают 1341 дело [4].

² Дела уголовного содержания находятся в четвертой описи фонда 147 [5].

³ Дела уголовного содержания находятся во второй описи фонда 183 и включают 26 392 дела [6].

164

Одним из существеннейших моментов в жизни белоруса XIX в. в рамках первой сферы является вера в колдовство, всевозможные знамения, в дурной глаз и т. п. В Беларуси повсеместно признавалось, что существуют люди, которые могут совершать всевозможные заклинания для подчинения стихийных и

других природных сил. Считалось, что с помощью использования этих сил возможно отклонить грозящее бедствие, изгнать «нечистика», врачевать болезни, способствовать достижению счастья и удовольствий, а с другой стороны насыпать на других всевозможные несчастья, смерть, болезни, навлекать на людей нечистую силу, призывать тоску, сумасшествие, припадки, разрушать мир и согласие в семье и тому подобное.

Способных совершать подобные деяния, а, следовательно, обладавших высшим знанием, называли по-разному – чародеями, чаровниками, колдунами, знахарями, ворожбитами, ведьмаками, ведьмами, волколаками. По мнению А. Богдановича, эти названия соответствуют более древним, исчезнувшим из обихода в XIX в., – кудесник, волхв, вещая женка [1, с. 133].

Считалось, что не всякий чаровник обладал способностями совершать все перечисленные действия, большинство обладало каким-либо одним определенным навыком. Одни могли лечить и насыпать болезни, другие – населять раздор в семье, третьи – вызывать град или засуху, четвертые – превращаться в волков или лягушек. В соответствии с представлениями белорусов стать чародеями могли люди, поставленные своей профессией в постоянное и непосредственное общение с той либо иной стихией. Так, чаровниками в силу своей профессии считались кузнецы, мельники, лесники, пастухи, пасечники, пивовары и винокуры [1, с. 134; 17, с. 248]. Это не означало, что люди других профессий не могли стать чародеями, но чародейство первых являлось как бы предопределенным.

Среди населения чаровники пользовались почетом, но, в большинстве случаев, оно не являлось искренним. Во время семейных торжеств, свадеб, крестин, чаровника сажали на самом почетном месте, обращали на него исключительное внимание, усердно его угощали, чтобы не рассердить и тем самым не навредить будущему счастью новобрачных или новорожденного. Такое отношение к своей личности чаровник принимал как должное, вполне заслуженное, и не стеснялся угрожать как хозяевам, так и любому из гостей. «Ну, уж будете вы меня помнить! Я вам дамся в тямки¹!» – произносил в таких случаях разгневанный чаровник [17, с. 250]. В сложившейся ситуации присутствующих охватывал страх, и навлекшие своим поведением гнев чаровника старались предупредить или расстроить его чары с помощью другого чаровника.

Подобная ситуация имела место в январе 1866 г. между речичкими мещанами братьями Давыдковыми и Василием Ковалевским². 26-летний Леон Давыдков, находясь на свадьбе у сестры мещанина Ивана Гребенчука, в процессе веселья

¹ В темноте.

² Дело «по обвинению в колдовстве речичкого мещанина В. Ковалевского и мещан Г. и Л. Давыдковых в нанесении ему побоев» рассматривалось в Речичском суде на протяжении 25.01.1866–17.03.1867 [15].

выпил поднесенную ему Василием Ковалевским «рюмку водки, налитой из бутылки, не подозревая ничего особенного... так как водка была обычного цвета и вкуса» [15, л. 7]. Сразу же после этого Леон Давыдков почувствовал недомогание и ослабел до такой степени, что не в силах был идти домой. Тогда хозяин И. Гребенчук, взвалив его на повозку, отвез домой. После возвращения пострадавшего домой, родные, узнав, что причиной плохого самочувствия Леона стал контакт с Ковалевским, известным среди сельчан как ведьмак (колдун), отправились к нему за помощью [15, л. 7 об.]. Поведение больного походило на временное помешательство: он «ел горячие уголья, дрался на стену и тому подобное» [15, л. 9].

Когда приехали к Ковалевскому, тот сказал: «Я почти знал, что за мной приедут», затем добавил, что Леон «немного пострадает, до суток». Приехав в дом Давыдковых, Ковалевский сразу потребовал водки и освященной соли. Когда все это было подано, Ковалевский налил в рюмку водки, насыпал туда соль и пошептал что-то над ней. После этого дал выпить Давыдкову приготовленную смесь, в процессе чего Ковалевский еще дунул на Давыдкова три раза и сказал: «Теперь будешь здоров» [15, л. 9].

После проведенной процедуры Давыдков моментально почувствовал улучшение. Затем началось угощение знахаря. Однако брат Леона Григорий в процессе застолья стал укорять Ковалевского в совершенном им поступке, на что последний заявил: «Ты меня не упрекай, потому что я и тебе точно также сделаю, как и твоему брату, и погибнешь через это». В разговоре Ковалевский также добавил, что водка, выпитая Леоном, была приготовлена для молодых, чтобы «те так же пострадали, как и он пострадал. Но так как Давыдков первым попался на глаза, то ему и была поднесена» [15, л. 8]. Братья, имевшие, как отмечается в материалах дела, буйный характер, не удержались и избили чародея за его слова.

В результате разбирательства Уголовная палата признала Леона и Григория Давыдковых виновными в причинении побоев 53-летнему мещанину Василию Терентьевичу Ковалевскому. Сам же Ковалевский

обвинялся в приготовлении и даче вредно действующего на состояние здоровья напитка мещанину Леону Давыдкову, а также в последующем оказании ему помощи посредством такого же напитка. Подобное действие, выступавшее «в глазах простых и легковверных людей в виде колдовства, знахарства и тому подобного» преследовалось 935 статьей Уголовного уложения, на основании которой, виновные в этом преступлении в первый раз подвергались аресту сроком от 7 дней до 3 месяцев. В случае же, если доказывалось, что «употребление напитков, составов и других средств могло иметь вредные последствия для здоровья», виновные на основании 50 статьи подвергались тюремному заключению на срок от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев [15, л. 12–13]. За свои «колдовские» деяния Ковалевский подвергся аресту сроком на 3 месяца [15, л. 13 об.].

Из суеверий, относящихся к кругу земледельческих работ, в XIX в. особенно выделяется поверье о заломе. Создание заломов считалось самым опасным проявлением силы колдовства. Сама процедура состоит в завязывании узлов во ржи и сопровождается соответствующим заговором, в котором указывается имя челове-

ка, на которого ломается залом, какие страдания должен претерпеть этот человек и какой смертью должен умереть¹. Заломы ломаются как на людей, так и на домашних животных, в целях призвания болезни либо смерти. И если жницы во время уборки хлеба находили завитки во ржи, то не прикасались к ним, а осторожно обжинали вокруг, опасаясь, чтобы не исполнился тот заговор, который был произнесен при создании заломы. Считалось, что только искусный знахарь или знахарка, посредством встречных заговоров, могли уничтожить чародейную силу заломы, и таким образом предотвратить ту страшную опасность, которая грозила лицам, на поле которых был создан залом.

Сохранилось множество примеров о бытовании в Беларуси в XIX в. поверья о заломе. Об особенностях этого поверья на Полесье описывает А. Сержпутовский. В XIX в. встречаются случаи, когда само существование заломы ставится под сомнение. Однако данная тенденция прослеживается в крестьянской среде в единичных проявлениях. Встречаются примеры, когда данное поверье используется для добывания средств к существованию. Наглядным проявлением этой тенденции является разбирательство, имевшее место в ноябре 1859 г. в Речицком земском суде по делу о колдуне Федоре Воробье [14].

Крестьянин Федор Савич Воробей, проживавший в государственной деревне Глиняная Слобода Речицкого уезда Минской губернии, занимался чародейством посредством толкования поведения змей, собак и лягушек. Солдат Евтух Малошценко, прибывший в кратковременный отпуск, обнаружил у себя во ржи завитку.

«Слыша поговоры крестьян, что завитку в растущем хлебе завитая, есть худым для хозяина знаком и что оной самому вырвать нельзя, ибо повредит тем здоровью или жизни» [14, л. 3 об.], солдат пригласил для избавления от колдовства своего односельчанина упомянутого Федора Воробья. В качестве вознаграждения крестьянину-колдуну за труды было обещано четыре гарнца² ржи.

Федор Воробей отправился на поле и совершил обряд избавления от заломы во ржи. Колдун «обошел вокруг три раза ту завитку, вырвал оную и, перекрестив три раза мезинным пальцем руки, зарыл в землю» [14, л. 3 об.]. После чего, используя свое тайное знание, он обвинил в завитии завитки на смерть семьи солдата Евтуха Малошценко крестьянку Екатерину Данилову. Данное заключение, как показал на следствии Ф. Воробей, было сделано посредством толкования им своего сна. Ему приснилось, как со двора солдата Якова Малошценки «выползла лягушка, гадина и собака и все бросились на жену солдата Евтуха Малошценки Федору и ея ребенка и даже кусали и что будто бы ту собаку и гадов выслала братовая солдата Евтуха Екатерина Малошценка» [14, л. 3 об.].

Крестьянка Е. Малошценка, полностью отрицая свою вину, утверждала, «что она завиток в растущей ржи Евтуха Малошценки на смерть семейства не делала, малейшего колдовства не знает, а так же никакой злобы ни к Евтуху, ни к семейству не имеет и сие известие сделано крестьянином Воробьем вымышлено» [14,

¹ Примерный вариант заговора-проклятья описан А. Богдановичем [1, с. 170].

² Мера объема для сыпучих и жидких продуктов, равная 4 литрам.

л. 4). Дальнейшее разбирательство по этому делу превратило в обвиняемого самого колдуна. В процессе рассмотрения показаний девяти односельчан деревни Глиняная Слобода предстают реальные мотивы поведения Ф. Воробья. Все крестьяне отзываются о нем, как о лжеце, нерадивом и ленивом хозяине,

живущем за счет мнимого колдовства. В результате решением суда 52-летнему Федору Воробью было определено наказание в виде 50 ударов розгами и предание для очищения совести церковному покаянию в соответствии с православным вероисповеданием [14, л. 6–6 об.].

Необходимо отметить, что бытование поверья о заломе в XIX в. ограничивалось в основном крестьянской средой и причастностью к земледельческому труду. Крестьяне утверждали, что в тех случаях, если залом вырывался человеком образованным, его не постигнет традиционное в таких случаях возмездие. Как отмечает А. Богдановичем, крестьяне верили, что интеллигентные люди способны противостоять чарам колдунов. Встречаются также примеры, что образованные люди сами возводились в ранг чародеев [1, с. 170].

Особое место в жизни белорусов занимали знахари, которые, в отличие от колдунов, повсеместно пользовались в народе искренним почетом и уважением. Так как все болезни происходят или от заговора, или от дурного глаза, крестьяне считали, что избавиться от них возможно не посредством обращения к докторам¹, а к знахарю или знахарке. Считалось, что все наружные болезни можно заговорить, а при внутренних болезнях использовалась заговоренная вода [17, с. 14]. Одновременно с этим, знахари владели и рациональными средствами лечения болезней: вправляли вывихи, накладывали повязки при переломах костей, лечили искривление позвоночника и др. [17, с. 251].

Описание различных способов избавления от заболеваний достаточно широко встречается в этнографической литературе [1, с. 155–168; 2, с. 165–167; 16, с. 206–226; 17, с. 271–296]. Следует отметить, что в лечении большинства заболеваний использовались всевозможные средства природного происхождения. По иному подходили к лечению эпидемических заболеваний, вызывавших массовую смертность.

В целях прекращения начавшейся эпидемии практиковалось создание охранного круга. Этот обычай получил распространение, как в центральной Беларуси, так и на Полесье. Для этих целей подыскивали молодых волов белого окраса. После чего их запрягали в соху и делали борозду вокруг деревни. Выполнение данной процедуры возлагалось в обязательном порядке на близнецов, один из которых выступал в роли пахаря, а другой – погонщиком волов. В тоже время в деревне Моисеевщина Борисовского уезда Минской губернии, по свидетельству местного писаря С. Прокулевича, была распространена своя версия данного обряда. Его исполнение доверялось женщинам. «Молодые и старые женщины собираются за деревней и там, раздевшись донага, берут соху и впрягают в нее самую молодую из своих товарок. Затем при дружной помощи всех участниц и при пении

¹ А. Киркор указывает о бытовании этой традиции в Виленской губернии. Единственное исключение составляли врачи, сами имевшие крестьянское происхождение [2, с. 164].

песен, в которой заклиняется и устрашается эпидемия, проводят борозду кругом своей деревни» [16, с. 292; 17, с. 292–293].

Некоторые способы противостояния холере в Беларуси в XIX в. укладываются только в рамках архаических или средневековых стереотипов. Так, в Новогрудском земском суде рассматривалось дело, обстоятельства которого относятся к августу 1855 г. [13]. Крестьянка государственной деревни Новогрудского уезда Гродненской губернии Оконовичи 70-летняя Лука Манько была заживо закопана в землю вместе с двумя умершими от холеры односельчанами¹. Л. Манько случайно встретилась по дороге крестьянам, сопровождавшим на кладбище умерших от холеры. Крестьяне «забрали ее насильно и по предрассудку, что прекратится смертность от холеры, зарыли ее вместе с упомянутыми мертвыми телами в одну приготовленную на кладбище яму» [13, л. 16 об.]. Инициатором этих действий выступил местный фельдшер крестьянского происхождения Андрей Козакевич, который сам столкнулся с Маньковой в яму и начал засыпать землей [13, л. 75 об.]. Причиной его действий было убеждение, что подобным образом возможно предотвратить дальнейшее распространение заболевания [13, л. 12–12 об.]. В некоторых регионах Беларуси, в частности в Борисовском уезде Минской губернии (деревня Моисеевщина), была распространена иная модель данного обряда. В землю закапывали черного петуха, облаченного в элементы мужской одежды [17, с. 293]. В то же время на Полесье существовало поверье, что первого заболевшего в деревне холерой необходимо захоронить живым [16, с. 292].

Встречаются у белорусов примеры и более архаических обрядов. Так, крестьянами деревни Великие Жуховичи Новогрудского уезда Гродненской губернии в целях прекращения холеры 9 августа 1848 г. была разрыта могила умершей от холеры в июле этого года крестьянки Юстины Юшковой [12, л. 13 об.]. Местный отставной фельдшер Рубцов убеждал односельчан, что именно она, «как первая умершая от оной в беременном состоянии, которая вела блудную жизнь», и стала причиной распространения эпидемии. Он посоветовал крестьянам откопать умершую и посмотреть, в каком положении находится ее

не родившийся младенец, а также, не открыт ли у нее рот [13, л. 15]. Собравшиеся добровольно крестьяне, разрыли могилу, вытащили из нее тело, разрезали косой живот умершей, в поисках ребенка, и, вставив в открытый рот покойной осиновый кол, зарыли ее обратно [13, л. 13 об., 16]. После чего стали ждать окончания эпидемии.

В соответствии с Уголовным уложением, крестьян, за совершенные ими действия, полагалось по лишению всех прав состояния и наказанию от 10 до 20 ударами плетью, сослать на поселение в Сибирь [13, л. 17]. Но вместо этого, учтя их чистосердечное признание, «заблуждения», и подстрекательства фельдшера Рубцова, 90-летнего Никиту Гирейко направили на один год в монастырь, остальных же 11 крестьян наказали от 16 до 10 ударами плетью каждого [13, л. 17 об. – 19].

-
- 1 Пострадавшая женщина была воспринята крестьянами в качестве разносчицы холеры. Как описывается А. Сержпутовским, на Полесье бытовало поверье, что холера появляется в образе старухи [16, с. 291].

Изменяется в XIX в. в сознании людей и само отношение к христианскому храму. Для этого периода времени, используя материалы уголовного делопроизводства, возможно привести многочисленные примеры воровства из христианских храмов. Подобные действия совершались представителями различных социальных групп – крестьянами, дворянами, служителями церкви, а также вероисповеданий – униатского, католического и православного. Так, в 1835 г. 27-летний дьяк Иосиф Ельяшевич обвинялся в краже вещей из униатской церкви местечка Тумиловичи Борисовского уезда Минской губернии. Состоя на службе в указанной церкви, Ельяшевич украл из пожертвований несколько кусков ткани. Как объяснил сам дьяк, данное преступление было совершено им по причине крайней бедности. Украденная ткань была использована «для себя и семейства... на рубахи и другие домашние надобности» [7, л. 24]. В 1838 г. из униатской церкви д. Подъевичи Игуменского уезда Минской губернии 18-летним крестьянином Клементием Богдановским было вынесено около пяти фунтов воска [9, л. 37].

Важное значение в традиционных крестьянских представлениях отводилось невинности и девственности. У крестьян Виленской губернии, по наблюдениям А. Киркора, этим качествам придавался ореол святости. Считалось, что невинная девушка, вошедшая в дом мужа, приносила с собой божье благословение. В непорочности белорусы видели залог будущего благоденствия и счастья. В обратном же случае, девушка, которая согрешила до свадьбы, становилась объектом всеобщего осуждения. Особенно это проявлялось со стороны домашних – свекрови, сестер мужа и других представительниц женского пола новой семьи. Не спасало такую жену ни ее более значительное состояние, ни поддержка мужа. Бытовало представление, что, ставши женой, она не принесет в дом мужа счастья и покоя. Наоборот, вместе с ней в новое семейство войдут раздор и всевозможные неприятности. Данные обстоятельства в определенной степени влияли на изменение свадебной обрядности по отношению к таковым девушкам. В частности, у них на свадьбах не разрешалось исполнение многих традиционных торжественных песен, составлявших основу свадебной обрядности [2, с. 149].

Представления о нравственности, как в крестьянской, так и городской среде сообразовывалось с нормами христианской морали, а также в определенной степени и традиционными стереотипами. Отсюда следовало, что наблюдением за нравственностью, а также наказание за прегрешения, входило в компетенцию церкви. Важное место в крестьянской среде занимало народное порицание, в соответствии с которым, человек становился объектом всеобщего осуждения.

Еще большему осуждению, как со стороны церкви, так и самих односельчан, придавались женщины, рожавшие детей вне брака. П. Шейн описал случай, произошедший в 1847 г. в деревне Лаш Виленской губернии. Крестьянке, родившей внебрачного ребенка, местный священник «наложил... на голову венки из гороховой соломы с длинным в 3 сажени... скрученным хвостом, приказал обводить ее три раза вокруг церкви и затем привязать к дереву...». В таком положении девушку продержали три часа [17, с. 90–91]. Этнографом подчеркивается, что на Виленщине подобные наказания применялись священниками повсеместно. Однако и после покаяния грешница не могла вернуть свой утраченный статус.

Подобное отношение со стороны окружающих к согрешившей женщине приводило к ужасающим последствиям. Чтобы скрыть свой грех, женщины зачастую шли на убийство незаконнорожденных детей. Подтверждением этому являются материалы Минской палаты уголовного суда, содержащие дела за период с 1831 по 1867 г. На 1341 единицу хранения, содержащуюся во второй описи фонда 145, более 125 дел связано с различными формами расправы над незаконнорожденными детьми. Следует отметить, что подобное отношение к внебрачным детям отмечается вне зависимости от социального статуса женщин, среди которых встречаются и мещанки, и дворянки, и крестьянки. Не пугало женщин даже последующее наказание, предусматривающее за подобное преступление наказание кнутом с последующей ссылкой на каторжные работы [10, л. 2 об. – 3].

Можно привести множество примеров, которые свидетельствуют о том, что причиной жестокого обращения с незаконнорожденными детьми является не столько экономические причины и отношение к ним

на законодательном уровне, а именно боязнь утраты своего социального статуса и всеобщего осуждения. Так, вдовствующая 35-летняя крестьянка православного вероисповедания из деревни Караси Дисненского уезда Минской губернии Матрена Карасева, ведя свободный образ жизни, не воспринимала своего поведения выходящим за общедозволенные нормы. Однако факт беременности и рождения незаконного ребенка рассматривается ею по-иному. Как отмечается самой крестьянкой, «стыдась соседей и всех домашних», она тайно родила в хлеву, спрятав затем новорожденного в солому [11, л. 2–2 об.].

Чувство стыда и боязнь преследования со стороны брата, вынудили скрывать беременность, а после рождения мертвого ребенка тайно спрятать его в погребке, 20-летнюю дворянку из г. Вилейки Минской губернии Фелициану Лункевич¹.

Подобные мотивы руководствовали в 1840 г. поступками и 40-летней рекрутки католического вероисповедания из деревни Петровичи Вилейского уезда Минской губернии Евы Мартинович. Находясь во внебрачной связи с местным крестьянином, она родила ребенка. Однако, опасаясь всеобщего осуждения, спрятала новорожденного у реки [10, л. 5-9].

Рассмотрение основных сфер жизнедеятельности белорусского крестьянина в период XIX в. посредством использования этнографических и материалов судебного делопроизводства позволяет наглядно проиллюстрировать процесс сознательного поддержания в своей среде патриархальных представлений. Традиционное сознание белорусского крестьянина в XIX в., находившееся в рамках средневековых стереотипов с верой в чудеса и знамения, симультанность, символизм и т. п., выступало своего рода противостоянием новшествам окружающего мира, привнесенным эпохой нового времени. Создаваемый и поддерживаемый социальными низами на протяжении столетий традиционный образ жизни и мышления, основанный на законах неписанного права, выступал своего рода защитой против большего зла, которое могло настичь крестьянина.

¹ Обстоятельства данного дела происходили в апреле 1838 г. [8, л. 83].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Е. Богданович. Гродно, 1895.
2. *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию / А. Киркор // Этнографический сборник. Вып. III. Спб., 1858.
3. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 76, Минский главный суд I департамента.
4. НИАБ. Ф. 145, Минская палата уголовного суда Министерства юстиции (1831–1867).
5. НИАБ. Ф. 147, Минская соединенная палата уголовного и гражданского суда Министерства юстиции (1867–1883).
6. НИАБ. Ф. 183, Минский окружной суд (1883–1918).
7. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 97.
8. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 134.
9. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 143.
10. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 204.
11. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 205.
12. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 311.
13. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 458.
14. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 685.
15. НИАБ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 1203.
16. *Сержпутоўскі А. К.* Прычкі і забавы беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. Мінск, 1998.
17. *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. Спб., 1902. Т. III.